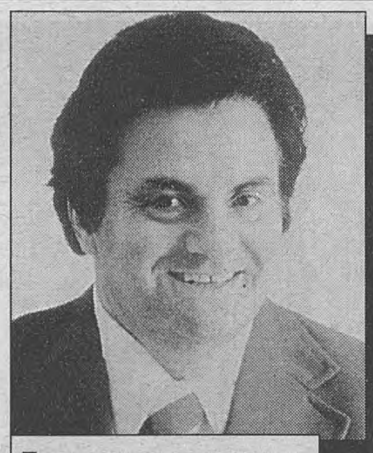

Таким он запомнился поклонникам в СССР...

...а такой он через десятки лет эмиграции.

Коммерсантъ — 1999 — 15 дек. — с. 24

Эмиль ГОРОВЕЦ:

Меня выпустили из Союза только после того, как я продал свою дачу Щелокову

Молодое поколение полагает, что только Филипп Киркоров может собирать стадионы и делать аншлаги месяц кряду. А ведь были в нашей стране и другие герои. Их имена сейчас мало что скажут. Да и на то, чтобы вспомнить названия хотя бы пары песен Горовца, у некоторых эрудиции уже не хватит. А когда-то, в далекие 60-е, Эмиль Горовец был звездой в прямом смысле этого слова. Он был единственным артистом, собирающим стадионы, который пел не ура-патриотический репертуар, а суперпопулярные зарубежные шлягеры на русском (так что традиция перепевать западные хиты - идея не новая). Специально для Горовца нашим правительством выкупались песни, которые уже никто не имел права петь в течение года.

Это именно Эмиль Горовец впервые исполнил поистине народные вещи: «Я шагаю по Москве», «Дрозды», «Смоленский мальчишка», «Бухенвальдский набат», «Кузина», «Королева красоты», «Голубые города». А потом он пропал - эмигрировал в США, - и музыкальные начальники просто размагнитили все его записи, чтобы другим неповадно было. Недавно Эмиль Горовец на пару дней заехал в Россию. «Комсомольская правда» оказалась единственной газетой, которой Эмиль Яковлевич дал интервью.

- Вы знаете, о вас совсем нет никакой информации. Молодежь вас плохо знает...

- Да молодежь меня вообще не знает. Если бы я десять лет назад сам не привез в Москву свои старые записи, меня никто здесь и не знал бы. А ведь когда-то я, может, это и неудобно говорить о себе, был в СССР номер один. Да, я не был лучшим певцом, но в смысле концертных сборов равных не было. Один мой знакомый из Министерства культуры как-то сказал: «Ты знаешь, Эмиль, как мы тебя называем у себя в министерстве? Чудо России. Ведь певцы с еврейской фамилией - те же Кобзон, Мулерман, - никто не пел еврейские песни. Ты вначале был еврейским певцом, а после тебе удалось стать номер один».

- Какую песню вы считаете своей визитной карточкой?

- «Я шагаю по Москве». Потом «Дрозды», ее написал Шаинский, «Смоленский мальчишка» Дербенева. Я ее заснял на «Огоньке» на 25-летии Победы и пел в окружение генералов. Это потом, когда песню хотели снять с программы, эти самые генералы ее отвоевали.

- Старожилы говорят, что именно вы первым стали исполнять русские варианты западных шлягеров...

- У меня концерт состоял из двух отделений: первое - вещи советских композиторов, второе - «Поет Неаполь», состоящее из популярных итальянских песен. Дело в том, что у меня были знакомые ребята, которые работали в итальянском посольстве, и вот они имели клавиры песен, которые получили в Сан-Ремо первые места.

Позже появилась программа на еврейском языке, я с ней ездил вплоть до 1963 года. Из-за этой программы, кстати, было много путаницы. Туда, куда надо было послать русскую афишу, посылали еврейскую и наоборот. В Одессе был большой скандал. Когда туда послали афишу на русском языке, а в Запорожье - еврейскую, мой хороший одесский знакомый прислал телеграмму: «Если ты приедешь в Одессу с русской программой, больше Одесса тебя не увидит». Однако в 1963 году в столичной гостинице «Советская» я спел последний концерт на еврейском, эту программу записали, а после я уже пел только на русском.

- Вы решились на отъезд в Америку из-за запрета еврейской программы?

- И из-за полного запрета на мои песни. Все началось, как мне кажется, из-за сольного концерта в Киеве. На нем присутствовали жена Шелеста, тогдашнего первого секретаря обкома, и Семичастный - это был самый могущественный человек в КГБ. Они куда-то торопились после концерта, передали мне благодарность. А жена между прочим поинтересовалась у устроителя моего выступления, сколько я получаю за концерт. «И что же вы сказали?» - спрашиваю у него. Отвечает: «Триста рублей». - «А почему вы не сказали 3 тысячи, откуда вы взяли 300 рублей?»

В общем, я понял, что завидовать мне теперь будут по-черному. А потом мне прямо сказали, что надо затаиться года на три.

- А вы спрашивали почему?

- А зачем? Уже когда я записал песню «Дрозды», было ясно, что мне здесь нечего делать. Когда я исполнил эту песню для художественного совета, поднялся Анатолий Горохов, он тогда был редактором на радио, и говорит: «А кто будет эту песню записывать на радио?» На него зашикали: «Ты же видишь, что композитор пришел с Эмилем, значит, он хочет, чтобы песню пел Эмиль». Горохов тогда возмущенно спрашивает: «Вы хотите сказать, что русские «Дрозды» будет записывать Эмиль Горовец?»

Думаете, приятно работать в такой атмосфере? Я все-таки записал эту песню. Но обида осталась: за что ко мне такое отношение?

- Вас сразу отпустили, когда вы заявили о своем намерении эмигрировать?

- О нет! Сейчас я уже могу сказать: если бы Щелоков не купил мою дачу, я бы не уехал. Эпопея с отъездом длилась почти год.

Просто, когда я приходил оформлять документы, меня спрашивали: «А кто нам будет петь «Дрозды»? Так продолжалось довольно долго. И только когда Щелоков купил мою дачу, меня тут же выпустили. Но он покупал не для себя, приезжал сын его Игорь на «Мерседесе». После покупки Щелоков позвонил мне домой, сказал, что документы оформлены.

– Если ты приедешь в Одессу с русской программой, больше Одесса тебя не увидит

А дача у меня была шикарная. У меня вообще в материальном плане все было хорошо. Была машина, каких в Москве насчитывалось всего три - у Образцова, у Никулина и у меня, - «Волга». Милиция знала это авто, жена могла слева направо ездить. Квартира на улице Горького, возле магазина «Армения», а перед отъездом как раз было закончено строительство кооперативной квартиры на Герцена. Я получил ключи, глянув на квартиру, а через две недели уехал. Мне потом говорили, что в эту квартиру въехал артист Жаров. И, наконец, была эта знаменитая генеральская дача. Когда я ее купил, а это было за два года до отъезда, все друзья приходили и спрашивали: «Эмиль, ты не боишься, что тебя посадят?» Потому что генерал 10 лет не мог ее продать - очень дорого она стоила.

Так что мы были обеспеченными людьми. Поэтому ни жена, ни сын, который тогда учился на третьем курсе в университете, не хотели уезжать. Тогда я сказал: «Хорошо, вы оставайтесь, я поеду один. Вы приедете потом». Я понимал, что мне будет трудно, я ведь уже был и во Франции, и в Америке, знал, что без языка - а я не знал английского - будет очень трудно.

– Я воспитанник Утесова и Шульженко, люблю, чтобы песню исполняли

- И как вас встретила Америка?

- Тамошние газеты прозвали меня «Раша Фрэнк Синатра», хотя я совсем другой певец. Он - баритон, свинговый певец, у нас же нельзя было петь свинг, это было не советское пение. Конечно, в Америке у меня не было такой творческой жизни, как здесь. Хотя я ни одного дня не работал не по профессии. Все 25 лет, что я живу в Америке, я только пел (хотя на родине и писали какую-то ерунду, что я работаю сапожником). Но с иллюзиями, что мне удастся стать известным дальше эмигрантского круга, я расстался практически сразу.

Сразу по приезде меня познакомили с моим агентом. Он мне сказал: «Если хочешь работать, забудь, что ты еврей (представляете, это мне было сказано в Америке!), ты - цыган, будешь петь по-русски «Очи черные» и «Подмосковные вечера» на английском. Но и это не все. Даже если ты Шаляпин, здесь без имени ты никому не нужен. Поэтому тебе надо где-то достать 200 тысяч долларов и вложить их в свою раскрутку». Тогда я понял, что он не будет вкладывать эти деньги, что все останется на уровне разговоров.

- Все это время вы следили за музыкальной жизнью России?

- Я уже пять лет работаю на русском радио, и там очень часто передают новые записи. Кроме того, в Америку часто приезжают российские исполнители, иногда я ходил на сборные концерты. Сказать, что мне очень нравится то, что делается на эстраде, было бы неправдой. Я все-таки воспитанник Утесова и Шульженко, люблю, чтобы песню исполняли.

- А сами не собираетесь дать в России концерты?

- Это все очень дорого. Пока я рад, что просто могу сюда приезжать. Ведь никто не верил, что в России такое случится. Когда я уезжал, я уезжал навсегда, знал, что меня никогда не пустят.

- И все-таки, Эмиль Яковлевич, скажите честно. Если вернуться мысленно в 1972 год, вы решились бы на эмиграцию?

- Что сложно, что было бы, если бы... Нет страны, где бы я ни был с концертами, я единственный из эмигрантов певцов и певиц работаю по специальности, я все эти годы пел, имею свое шоу, всегда находил работу. Хотя у меня все было в СССР, материально я живу в Америке намного лучше. Но там, в Соединенных Штатах, у меня никогда не было и не будет той славы, какая была в России...

Виталий БРОДЗКИЙ, Ольга САПРЫКИНА.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Э. Горовец первым в СССР стал исполнять западные шлягеры на русском языке. В отличие от других еврейских певцов не скрывал свою национальность и даже ездил по стране с еврейской программой. Первый исполнитель таких шлягеров, как «Я шагаю по Москве», «Дрозды», «Королева красоты», «Голубые города». После того как Горовец в 1972 году эмигрировал в США, все его записи были размагничены, а информация о нем – вычеркнута из архивов. Только сейчас песни Горовца возвращаются российскому слушателю.